

борьбы за независимость родины в устной поэзии, но у некоторых писателей и прямое обращение к такому фольклору.

Наиболее показательной в этом отношении является повесть, посвященная воеводе князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, — „Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича, рекомаго Скопина“.¹ В истории борьбы с польской интервенцией Скопин-Шуйский сыграл несомненно положительную роль, одержав над польскими войсками две блестящие победы и освободив от захватчиков ряд русских городов. Но тот же талантливый воевода в 1606 году, по поручению Василия Шуйского, задержал у Москвы народное войско, под предводительством Болотникова, а за помощь, оказанную шведам в наступление на поляков, обещал шведам, по тяжелому для русского народа договору, отдать „город Корелье с уезды“ и, кроме того, „что ево королевское величество от ево царсково величества попросит до достою, города или земли или уезды“. Однако в посадском населении ряда освобожденных Скопиным городов, в самой Москве, где к 1610 году было уже очень много недовольных правлением Василия Шуйского, и в войске заслуги молодого воеводы, успешно очищавшего территорию от польских захватчиков, создали ему репутацию „столпа Русские земли“, как именует его автор „Писания“.

Как бы ни преувеличенно выражена была эта оценка Скопина — предводителя русских войск, за ней стоит несомненный факт: популярность воеводы, которой испугались в Москве и сам царь Василий Шуйский, заподозривший племянника в намерении сменить его на царском столе, и царский брат, Дмитрий Шуйский, незадачливый воевода, подпустивший к Москве „Тушинского вора“ и потому не получивший командования над войсками, которые были отправлены против поляков.

„Писание о преставлении“ нигде не противопоставляет молодого Скопина-Шуйского его царствовавшему дяде Василию Шуйскому, но в настоящем напоминании о том, что племянник „единого корени владеющего вселенную Августа кесаря Римского и от единых православных веры христианские начальника князя Владимера Киевского и всея Русские земли“, — слышно сочувствие тем, кто в это время называл Скопина достойным царского стола. Псковская летопись, объясняя злобу бояр против Скопина, прямо пишет о таких сторонниках воеводы: „слышаху бо тии завистницы, дядия его, в народе глаголющих, яко достоин сиевый князь и сильный муж и храбрый быти царем, яко избави нас от нашествия латынь, и град наш свободи от обстояния и от глада“.²

О скрытом недоброжелательстве по отношению к Скопину-Шуйскому говорили в разных кругах, и торжественная встреча правительством победителя в Москве не прекратила этих слухов. Вот почему неожиданная смертельная болезнь молодого, могучего по сложению воеводы была истолкована как результат отравления. Псковская летопись со всей откровенностью пишет о том, что вызов Скопина в Москву был продиктован именно намерением погубить этого слишком популярного, особенно в войске, воеводу. „Он же, беззлобивый, ни во уме сего помысли еже о царстве“, „не разуме дядина лукавства и злыя мысли“, отправился в Москву, где „сретоша его народи с вели-

¹ П. Г. Васенко. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Отчет Общества любителей древней письменности за 1903—1904 гг., 1900, стр. 19.

² Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 25.